

СМЕХ — ДЕЛО НЕШУТОЧНОЕ

Заметки о спектакле театра г. Куопио „Женихи-соперники“

УДАЧНЫМ поводом для традиционной гастрольной комедии стала для театра г. Куопио инсценировка по рассказу Майю Лассила «Женихи-соперники». В этот памятный вечер финские друзья показали во всем богатстве своеобразие своего юмора. На этот раз подмостки театра были отданы народному зрелищу, буйному театральному действию, с элементами балагана, ярмарочного представления (благо в пьесе есть и сцена на ярмарке).

В зале гаснет свет, и на сцене постепенно проступают сумрачные фигуры в траурных одеяниях — скорбь по покойнику-односельчанину. Разом подносятся посовые, платки размером в полпростыни — и раздается дружное коллективное истовое... сморкание. Звучит разудалая песнь — народная псалма. Слово с места в карьер, спектакль срывается с места, увлекая за собой зрителей в атмосферу бурного интенсионального веселья. В особый мир рискованного и всепоглощающего комизма.

Не сразу современный зритель может освоиться в этом мире. Здесь свои законы. По нему пропала всякая своя нравственная сила, преобразив и пересоздав все привычное. Здесь смерти сопутствует не плач, а смех, отсюда изгнав серьезность, порамлены дурое поведение, в убогая корысть. Здесь осмеяны тоние сумудрие и «тонкие» уловки ума. Напротив, в спектакле прозвучит мощно и порой рискованно тема плоти и телесных радостей.

Пертти Келкка — автор инсценировки, постановщик, а по пьесе — полицейский и пастор в одном лице — с замечательным чувством стиля воспроизводит в театре самобытный мир М. Лассила. В творчестве великого юмориста оживают прозаические традиции канваляций народной культуры, и постановка «Женихи-соперники» активно опирается на них. Тут

срабатывают та «преemptивность предания» и верность «приемам и понятиям, переходящим из рода в род и по старой памяти» в народном театре, о котором писал в свое время Достоевский.

Удача постановщика — в последовательном и потому цельном воплощении мира народных представлений. Высвобождаящая сила смеха извлекается в спектакле отовсюду — из подробностей оформления (художник Л. Хокканен), из мизансцен и игры актеров.

Умозрительно переосмысление ражых бородастых мужчин в нарочито-набожных женщин — и наоборот. Беспараллельно врут — и в лад спектаклю — весы на ярмарке при взвешивании, усиления театскую напыщенность постановки. Злымощи, гренадерского хлана отсылают крестьяне на попытки «навестить» из в грамоте. Сколько лукавства и прощия в брезгливо-опасливом обращении их с книжкой-требишом. Острые контрасты старости и молодости, юркого плутовства крестьян и лживой властности полицейского влияют живую реакцию зала. Грозное слово приказы выматывается мелкой детально обихода: перед оглашением этого обихода в все красной школе пастор прищипывает в авторской книге таракана, и полет того на пол, казало, подползает все уместные способности крестьян, возмущения и трепет перед властью.

Такое твердое выдерживание стиля и сдержанной игры актерского ансамбля подчеркнута в спектакле важное свойство мироощущения народа: своим смехом он разру-

шает ложные ценности и защищает свое право на радость жизни. Выявление демократического содержания коллективного «негасимого смеха» — одна из главных удач спектакля.

Но инсценировка по Майю Лассила обращается не только к возрождению народно-низовых форм искусства. В ней присутствуют и внятные приемы эпохи. Переломной эпохи в истории страны — от патриархальности к буржуазной цивилизации. Старая история славовства к вловушке вписана в контекст нравов финской деревни начала XX века.

Этот разлом эпох глубоко затронул и финское крестьянство, усорнил его социальное расслоение и обострил в нем борьбу человеческой и собственной морали. Потому и смех в постановке «Женихи-соперники» неоднозначен. В ней ощущаются слезы «требования и тревожной любви к народу» М. Лассила, о чем точно писал Эно Карху.

Действительно, смех в «Женихах-соперниках» далеко не бесценен, как не бесценна и жизнь крестьянина-собственника. Тяготы ее порожают нищету одних, духовное убожество других, жестокосердечие третьих. Представление об этой жизни заключено в контексте постановки, в мы весьма убедительны бы свое понимание комедии, обиды, дивный план зима.

Вести о том, что появилась канваля влова Кайсы, некопнула все охоту. Но не дивнееобидные женихи пытаются выкружить в олову, а скателю влады. Даже отец Сиканен со своим сыном, та-

кая друг от друга и постоянно сталкиваясь лбами, вступают в соперничество из-за Кайсы. Их чувства распалют лишь размеры угодий и состав недвижимого имущества вловы, а не она сама. Ставят препоны их планам и разные законы, на страже которых стоят полицейский, пастор и его пономарь. К тому же возникает и опасный соперник — богатей Лескинен. Его притязания несомненно голоштанной галантности: у него есть соблазнительное и соблазняющее вдову хозяйство.

Актеры играют в целом эту двойственность крестьянской натуры, порой переживая на сцене драму деревенской жизни. Хорони те сцены, где утрачивается легкая ироничность, даже сатирическая подливка характера.

К. Эстела в роли вловы Кайсы счастливо находит эту «золотую середину», сыграв колоритный образ одинокой крестьянки. Ее героиня — себе на уме, хотя и носит маску простоватой доверчивой неопытности. Но как она знает свою выгоду и как искусно умеет использовать свои чары для ее достижения, ясно из сцены предложения ей на ярмарке быка.

Пирри Седерстрема (Сиканен-отец) и М. Сайкконена (его сын) вносят в спектакль атмосферу народного веселья, разудалой бесшестности и безудельности. Их герои вырастают из фольклорных преданий и горепугающих сказок и бахвалок. Они не утаивают от зрителя ни хороших, ни дурных свойств своих персонажей. Порой в их игре появляется

стыдная законченность замечательной пластики (Сиканен — Седерстрем с кинтой в руках пытается выяснить, грамотен ли он). Но иногда, в увлеченности, они переступают меру вкуса — и начинается пережест, комикование, потешничество (похмелье на ярмарке).

Достоин и сличенно подерживают женихов-соперников и их антагонисты. Богача Лескинена точно играет артист Т. Химанка. С терпением и уловками «тертого калача» он привлекает свою жертву в силки посул, и его женитьба на вдове — торжество его собственнической психологии над честной моралью.

П. Итконен в роли пономаря и П. Келкка — полицейский, а потом пастор также играют не «от себя», а исходя из общего замысла постановки. Их герои — представители отмирающего мира, и потому увлечены и опечалены глазами народа. Пономарь — Итконен безнадолго потерял не в толковании «божьего слова», а в быблйных аботах по обеспечению своего многочисленного потомства. Он дрожит перед женой (ярт. А. Сольберг), пытается, олако, чванливо зланием библии перед глухой стеной крестьянской апатии. Народно-ироничный взгляд бросает П. Келкка на своих героев. Его полицейский — горлоподобное воплощение закона — тушит, ретил и забюрократился вконец. И он, и пастор с безобидным чувством к главным положениям несут в себе черты осмеянных злодеев у Чаплина.

Спектакль «Женихи-соперники» воссоздает, таким образом, двойственный образ мира, где есть и смелая воля к национальному самоощущению, и самозатяжка, и могучая сила «негасимого смеха» народа. А «смех», — говорил Гершен, — вовсе дело нешуточное...

Л. МАЛЫЧУКОВ.